

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова

Воронежский государственный университет, Россия

Поступила в редакцию 1 апреля 2015 г.

Аннотация: В статье исследуются особенности формирования и современные методологические проблемы российской социальной географии как составной части социально-экономической (общественной) географии.

Ключевые слова: общественная география, экономическая география, социальная география, география человека, география населения, социологизация географии.

Abstract: The article investigates the peculiarities of formation and modern methodological problems of Russian social geography as an integral part of the socio-economic (social) geography.

Key words: socio-economic (social) geography, economic geography, social geography, human geography, geography of population, geography sociologization.

Настоящая статья продолжает авторский анализ исторических особенностей развития теории отечественной социально-экономической географии и основных ее направлений [20, 21, 22, 23, 24, 25, 26].

Российская социальная география относится к числу тех отраслей общественной (социально-экономической) географии, сущность которых «выкристаллизовалась» лишь на рубеже XX и XXI веков. Именно это определяет внутреннюю противоречивость и неоднозначность понимания этой науки и круга исследуемых ею явлений и процессов. Если исходить из того, что наука является сферой человеческой деятельности, функциональное предназначение которой заключается в выработке и систематизации объективных знаний о действительности; система знаний, вскрывающая закономерности в развитии природы и общества и способы воздействия на окружающий мир, то истоки социальной географии уходят в глубокую древность, хотя как самостоятельная наука со своей методологией и методикой, сложившимися научными школами социальная география, без сомнений, – наука новейшего времени.

Сам термин «социальная география» в научных исследованиях появился еще в конце XIX века,

хотя в это понятие различные ученые вкладывали неодинаковый смысл. По мнению Г. Дунбара, термин «социальная география» впервые был упомянут в 1884 году П. де Рузье – представителем французской школы экономистов и социологов. Э. Демолен определил сущность социальной географии в выявлении влияния местных условий, в том числе природы, на социальное развитие, образование «общественных» типов. В 1895 году термин «социальная география» был использован Э. Реклю (сначала в письмах, а потом в его капитальной работе «Всеобщая география») в обозначении исторически меняющегося влияния природных условий на характер труда и образ жизни людей. Однако точное содержание термина не было раскрыто и не привело к созданию социально-географического направления. По мнению А. Огурцова, в словаре «Современная западная социология», термин «социальная география» впервые был введен в научный оборот в 1913 г. году Штейнметцем, который предложил выделить социогеографию или социальную географию как особую социологическую дисциплину для описания жизни народов той или иной эпохи.

В первой половине XX века мировая социальная география развивалась в тесной связи с со-

циологией. Социология в настоящее время определяется как наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах, социальных группах и общностях, отношениях личности и общества, закономерностях массового поведения людей. Как самостоятельная наука социология определилась в конце XIX – начале XX веков, хотя сам термин получил широкое распространение еще раньше. Мировая социология возникла на стыке нескольких различных дисциплин и долгое время не имела своего четко определенного предмета исследования. Вначале социология встречала сильную оппозицию со стороны философии и истории, не вписывалась в консервативную систему классического гуманитарного образования. В конце XIX века социология стала университетской дисциплиной. В 1892 году возникла первая кафедра социологии в Чикагском университете, а в 1893 году организован Международный институт социологии в Париже. В начале XX века возникли первые социологические общества и ассоциации. Преподавание социологии было введено во многих европейских и американских университетах. В результате начавшейся в 1920-х годах интенсивной профессионализации и специализации в науке социология заняла одно из центральных мест в системе общественных наук. Социология стала изучаться и преподаваться в большинстве стран мира и в 70-х годах включала в себя свыше 40 специализированных отраслей [13].

В первые десятилетия XX века в мировой науке происходит формирование географических школ, активно выступавших против геополитики, социального дарвинизма и некоторых других теоретических доктрин. Это прежде всего относится к французской географической школе «география человека», основателем которой выступал Поль Видаль де ля Блаш. Он обосновал концепцию по-сибилизма: природа дает человеку лишь определенные возможности, а общество само определяет, как их использовать. Последователи школы «география человека» считали, что задача географии заключается в анализе ландшафта для выявления образа жизни человеческих коллективов. Работа Поля Видаль де ля Блаша «Принципы географии человека» (1921 г.) – первое исследование, с которого начинается региональная социальная география. Географы амстердамской социологической школы, критикуя географический детерминизм, обращали внимание на связи социологии и географии. Задачей социальной географии (как одного из направлений социологии), по их мне-

нию, выступает изучение географического контекста жизни социальных групп. Социальная география в круг своих проблем относит социальное пространство, отношения между населением и территорией, зависимость социальной жизни от окружающей среды, влияние освоения природы на развитие внутриобщинных и межобщинных связей.

Задача исследовать связи человека со средой и обществом стала решаться в рамках возникшей в начале XX века теории «экологии человека» (в аспектах не как непосредственного влияния среды, а как следствие экономической, социальной и политической деятельности). Например, американский географ А. Берроуз способствовал тому, что ряд национальных школ отклонили концепцию географического детерминизма. Экологического подхода придерживался основоположник американской историко-географической школы Карл Зауэр [23]. Он трактовал географию как экологию культуры, поскольку ее исследования происходят в рамках социально-культурных и природных единиц, где велика роль деятельности человека. По мнению К. Зауэра, культурные комплексы постоянно развиваются, но их эволюция не всегда является следствием действия только местных природных факторов. Культуры отдельных народов взаимно переплетаются, характеризуются диффузией и взаимовлиянием. По мнению К. Зауэра, география как экология человека изучает не причинные связи в природе, а – это наука о человеческой деятельности.

В 20 годы XX века критическая ситуация в развитии социальной географии сложилась в советской экономической географии. Ее идеологизация и полное вытеснение социальных проблем, борьба с «буржуазными пережитками», резкая ограниченность информации приостановили в стране развитие социальной географии. В 1922 году социология как учебная дисциплина была запрещена. По мнению С.Б. Лаврова, А.А. Анохина и Н.Т. Агафонова, первый период развития отечественной социальной географии совпал с послевоенным этапом развития страны (вторая половина 40-х – 50-е гг. XX в.) и характеризовался тем, что в рамках экономико-географических и этнографических исследований рассматривались отдельные социальные явления и процессы. Поэтому социальная география в нашей стране первоначально формировалась на основе географии населения. К тому же она сразу приобрела междисциплинарный характер, поскольку исследования территориальных различий социальных групп, как

и всего населения, стало предметом не только географии, но и формирующейся региональной социологии. Однако еще в 1976 году у Ю. Г. Саушкина в курсе лекций «История и методология географической науки» социальная география отсутствует в перечне социально-экономических географических наук [32].

Особенностью отечественной социальной географии является определенное отставание в обосновании своей идентичности в системе общественной географии. Во-первых, это связано с явной задержкой отечественных социологических исследований, а во-вторых, с тем, что некоторые аспекты территориальной организации жизни (в том числе уровня, качества и образа жизни) традиционно рассматривались в географии населения и в географии сферы обслуживания. На этой основе еще в 70-80-е годы и сложилось убеждение, что самостоятельной социальной географии не существует, поскольку экономическая география должна исследовать и социальные аспекты экономических процессов. Предвестником отечественной социальной географии стал Р. М. Кабо, который еще в 40-х годах XX века не только заложил ее некоторые теоретические основы, но и дал образец такого регионального исследования на примере Чуйской долины Алтая. В последующем те или иные вопросы, входящие в настоящее время в объект исследования социальной географии, рассматривались в работах Ю. Г. Саушкина, В. В. Покшишевского, С. А. Ковалева, И. В. Бестужева-Лады, Т. А. Заславской, Н. М. Римашевской. В 70 и 80 годы в связи с трансформацией экономической географии в общественную (социально-экономическую) географию формируется уже достаточно большой коллектив ученых, научных и вузовских центров, где исследуются проблемы, в той или иной степени относящиеся к сфере деятельности социальной географии (А. И. Алексеев, Р. В. Рывкина, Н. В. Зубаревич, А. И. Трейвиш, А. А. Ткаченко, Н. Т. Агафонов, А. А. Анохин, А. И. Чистобаев, М. Д. Шарыгин, Е. Г. Анимица, К. Н. Мисевич, Т. В. Райтвийр, П. Я. Бакланова, А. Г. Дружинин, А. П. Катровский и многие другие). Однако, несмотря на весьма заметные успехи развития социальной географии, до сих пор сохраняется неоднозначность ее понимания.

В последнем словаре-справочнике «Социально-экономическая география: понятия и термины» [35] М. С. Савоскул определила социальную географию как ветвь социально-экономической географии, которая изучает пространственные про-

цессы и формы организации жизни людей, прежде всего с точки зрения условий труда, быта, отдыха, развития личности и воспроизводства жизни человека, взаимосвязь между различными аспектами человеческой деятельности и их проявлением в пространстве [30]. Поэтому к сфере ее деятельности практически относят все географические исследования, не затрагивающие изучение материального производства и природных ресурсов. По существу такой подход принципиально совпадает с определением этой науки, обоснованным Э. Б. Алаевым еще в 1983 году в его понятийно-терминологическом словаре «Социально-экономическая география» [1].

По мнению М. С. Савоскул, предельным объектом социальной географии является «все человечество», а конкретные объекты – различные территориальные общности людей, постоянно трансформирующиеся пространственно-социальные системы. По мнению этого автора, в широком смысле социальная география охватывает всю совокупность всех разделов и направлений общественной географии, изучающих социально-пространственные группы населения, территориальные различия в условиях, уровне и образе жизни населения. Поэтому к социальной географии относятся география населения, география сферы обслуживания, география потребления, рекреационная география [20]. При такой трактовке социальная география – это комплекс уже сложившихся наук внутри общественной географии.

По мнению Э. Б. Алаева, в социальной географии категории возможности, необходимости, рациональности рассматриваются через оценку условий жизни отдельного человека как биологического вида и личности, различных общностей людей и общества в целом. Потом эти различия получают экономическую, политическую, технологическую и иную интерпретацию. Поэтому основной предмет исследования социальной географии – объяснение и прогнозирование пространственных аспектов поведения людей. Э. Б. Алаев считал, что объектом исследования социальной географии выступают различные территориальные общности людей, их исторические особенности развития, внутренняя структура, связи с производством и окружающей средой, взаимосвязи между разными территориальными общностями, различные группы населения (классовые, национальные, профессиональные) внутри этих общностей. Социальная география исследует и региональные различия в условиях жизни людей (природные, эко-

номические, социальные), «пути выравнивания уровней жизни» между различными районами и типами поселений. По мнению этого ученого, социальная география исследует и региональные различия воспроизводства населения и трудовых ресурсов, пространственные перемещения людей. Конкретными объектами наблюдения социальной географии автор считал и различные типы, формы, сети и системы населенных пунктов, районы и страны. Однако при этом основной «единицей наблюдения» служит человек, который в случае необходимости характеризуется по своей классовой, национальной, семейной, производственной принадлежности, полу, возрасту, образованию, профессии, состоянию здоровья и т.п. Э. Б. Алаев считал, что объекты, отношения и процессы, изучаемые социальной географией, требуют интегрального подхода, включающего экономические и экологические оценки, поэтому четкой грани между социальной и экономической географией не существует [1].

Свое понимание сущности социальной географии представили в 1983 году С. А. Ковалев, А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко [12]. Авторы отмечали, что содержание самого понятия «социальная география» и ее положение в системе географических наук трактуется очень по-разному и выделили три группы взглядов. Первая группа объединяет взгляды исследователей, которые считали, что социальная география – это новая наука в составе географии населения. Так, А. А. Долинин считал, что социальная география – новая наука в составе географии населения, которая занимается изучением региональных особенностей социального состава населения и социальных явлений [8]. А. А. Анохин и А. И. Костяев также определяли социальную географию «новой отраслью» географии населения, которая изучает пространственную организацию социальной жизни районов разных иерархических типов [2].

Вторая группа взглядов объединяет мнение ученых о том, что социальная география – самостоятельная наука наряду с экономической географией и географией населения. Такую точку зрения отстаивали сотрудники Тартуского университета Эстонии. Так, С. Я. Ныммик считала, что социальная география на эмпирическом уровне изучает «систему пространственных отношений в непроизводственной сфере» (от территориальной организации отраслей до географических различий в образе и уровне жизни населения). Поэтому география населения и социальная география час-

точно перекрывают друг друга, хотя и являются самостоятельными науками в системе общественной географии [18]. По мнению Т. В. Райтвийр, в рамках узкой трактовки социальная география – это «социологическая география», изучающая социологические объекты, смысл исследования которой заключается в исследовании и управлении социальной сферой территориальных систем [28]. При этом тоже сохраняется размытость границы между социальной географией и географией населения.

Третья более многочисленная группа взглядов исходила из того, что социальная география не является какой-то самостоятельной наукой в рамках общественной географии, а представляет «социальный срез», социальный подход в исследовании хозяйства, расселения населения и даже отчасти природной среды. Так, Ю. Г. Саушкин полностью отрицал возможность формирования социальной географии как особой новой отрасли общественной географии, а считал ее лишь социально-географическим аспектом исследования в рамках этой науки [31]. В. М. Гохман выделял в системе общественной географии три направления исследований (социально-географическое, экономико-географическое и культурно-географическое), которые можно выделить в каждом из ее традиционных направлений [7].

Наряду с этими распространенными точками зрения в отечественной географии были и другие взгляды, которые трактовали понятие социальной географии еще более широко. Например, по В. В. Покшишевскому социальная география – единственная из обществоведческих географических наук, которая включает в себя и всю экономическую географию [19], а Н. К. Мукитанов считал, что социальная география должна исследовать социальные функции географической среды, которые у нее формируются в процессе включения ее в хозяйственную деятельность [17]. Оценивая все эти весьма различные подходы, Э. Б. Алаев еще в начале 80-х годов прошлого века сделал вывод, что дальнейшая социологизация и гуманизация географии превратят социальную географию в «венец» географического знания [1]. Однако, несмотря на исключительную важность социально-географических исследований становление этого направления отечественной общественной географии до сих пор встречает немало сложностей.

Столь же неоднозначное понимание сущности социальной географии сложилось и в зарубежной науке. В словаре общегеографических терминов, изданном английскими географами под редакци-

ей Дадли Стампа в 1961 году (в русском переводе в 1976 г.) приведена подборка взглядов разных ученых на понимание этой науки [33]. По мнению Gilbert E. W. и Steel P. W., социальная география имеет 4 основных раздела. 1. Распределение населения на Земном шаре. 2. Распределение и тип сельских поселений. 3. Географическое учение о городах или «география городов». 4. Распределение социальных групп и их «образ жизни» в различных условиях внешней среды, включающее географический анализ жилищных условий, благосостояния и условий труда [33]. Taylor (1951) под социальной географией понимал выявление различных районов земли в зависимости от сочетаний социальных условий на основе общих влияний внешней среды. J. M. Houston в 1953 году определял социальную географию как учение о сельских и городских поселениях и их населении [33]. W. Fitzgerald в 1945 году считал, что социальная география изучает пространственное распределение или структуру явлений, которые имеют социальную значимость для человека, причем они рассматриваются не изолированно, а во взаимоотношениях с общим окружением человека, подвергающегося непрерывному изменению [33]. С. С. Huntington и F. A. Carlson еще в 1931 году писали, что социальная география изучает взаимоотношения между человеком и окружающей его средой с точки зрения человека и его деятельности. При этом люди рассматриваются не как индивидуумы, а в группах, в целом в их отношении к тому миру, составной частью которого они являются [33].

В комментарии составителей словаря о столь неоднозначном понимании сущности социальной географии отмечается, что согласно Хьюстону (J. M. Houston) термин «социальная география» впервые был использован в 1908 году Камилем Валло в значении «география человека» (Human Geography). О формальном понимании термина британскими географами свидетельствует такой факт: когда Лондонский университет в 1948 году создал кафедру социальной географии при Лондонской школе экономики и Дадли Стамп стал ее первым профессором, то название означало не более чем сферу исследований в области, связанной с социальными науками [33].

Такая сложность понимания сущности социальной географии (как в отечественной, так и мировой науке) несомненно имеет объективный характер и связана, во-первых, с неоднозначностью понимания термина «социальный», а во-вторых, с

историческими аспектами формирования национальных школ общественной географии. В самом общем виде термин «социальный» [от лат. *socialis*] – общественный, то есть связанный с жизнью и отношениями людей в обществе [34, 35]. В свою очередь, «общество» в широком смысле – совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; в узком смысле – исторически конкретный тип социальной системы, определенная форма социальных отношений; совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни; исторически конкретный тип социальной системы, определенная общественно-экономическая формация.

Некоторые исследователи трактуют термин «социальный» более развернуто и выделяют в нем три аспекта: 1) существенная черта общественно-го человека – способность к совместной деятельности, существование сообществами и постоянное их воспроизводство через деятельность индивидов и их групп; в результате этого возникает, формируется и устанавливается конкретный тип единства взаимодействующих индивидов и групп; 2) совокупность характеристик взаимодействующих индивидов (как членов различных групп) формируется благодаря статусной динамике и изменения характера взаимодействий и отношений; 3) intersubъективная реальность «повседневного мира» создается, интерпретируется и воспринимается через типизацию смыслов и значений. Такой анализ рассмотрения термина «социальный» в его воспроизводственном аспекте требует осмысления термина «социализация», который трактуется, с одной стороны, как процесс усвоения и дальнейшего развития индивидом социально-культурного опыта – трудовых навыков, знаний, норм, ценностей, традиций, которые накапливались и передавались от поколения к поколению, а с другой, как процесс введения индивида в систему общественных отношений и формирование у него социальных качеств.

В целом такой понятийно-терминологический анализ весьма полезен, но не может определить сущность «социальной географии» и ее положение в системе географических наук. Решение этой задачи требует *применения историко-генетической методологии*, которая позволяет проследить формирование социальных отношений между людьми и их территориальными группами на разных этапах развития географической науки и сопредельных с ней областей знания.

Несмотря на отмеченные сложности, на рубеже XX и XXI веков все же произошел интенсивный процесс становления социальной географии как самостоятельного направления в системе отечественной общественной географии. Резко возросло число проводимых исследований, сформировались кадры профессиональных исследователей и основные научные центры на базе ведущих университетов страны и академических центров. Все более совершенствуется методика социально-географических работ. В то же время пока сохраняется неодинаковое понимание таких базовых аспектов этой науки, как объект, предмет исследования, основные научные подходы, внутренняя структура социальной географии и ее положение в общей системе отечественной науки, прикладные ее аспекты.

Неоднозначное понимание социальной географии делает необходимым более четкое определение ее основных принципов и методологии. В этой связи кратко остановимся на основных базовых понятиях. «Принцип» (от лат. *principium* – начало, основа) – не только основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, но убежденность в чем-либо, точка зрения на что-либо, норма или правило поведения. Такое определение уже изначально выявляет двойственный «объективно-субъективный» характер научной методологии. С одной стороны, она должна «фокусировать» основные, базовые положения ее теории, а с другой, неизбежно отражает определенный временной «срез» познания реальной действительности.

«Методология» – (от метод и ...логия) – учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности; методология науки – учение о принципах построения, формах и способах научного познания. Кроме того «методология» понимается как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке и как учение о методе научного познания. Поэтому, если первая трактовка понимания методологии непосредственно связывает ее с принципами научного исследования, то вторая – с методикой науки. При этом «метод» (от греч. *methodos*) понимается как способ достижения какой-либо цели, решение какой-то конкретной задачи, совокупность приемов и операций практического или теоретического познания действительности [36], а «методика» – как совокупность методов и приемов исследования, как и учение о методах преподавания науки. Изложенную неоднозначность трактовки приведенных базовых понятий, вероятно, необходимо

учитывать при определении основных принципов и методологии социальной географии, принимая во внимание периоды ее развития и специфику национальных научных школ.

Современное понимание основных принципов и методологии социальной географии может строиться лишь в тесной взаимосвязи с существующей методологией общественной (социально-экономической) географии, объектом исследования которой выступает территориальная организация общества (ее формы, процессы, закономерности) [35]. При этом под «обществом» в широком смысле понимается совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, в узком смысле – исторически конкретный тип социальной системы; совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни. Такому пониманию общества вполне соответствует определение социальной географии как одной из субдисциплин общественной (социально-экономической) географии, изучающей пространственные процессы и формы организации жизни людей, прежде всего в аспекте условий труда, быта, отдыха, развития личности, воспроизводства жизни человека, взаимосвязь между различными аспектами человеческой деятельности.

Столь широкое определение объекта исследования социальной географии (в который, по мнению М. С. Савоскул, включаются все области географических исследований, за исключением материального производства и изучения природных ресурсов [35]), делает достаточно сложным определение предмета ее исследования и внутреннюю структуру. М. С. Савоскул отмечает, что предельным объектом исследования социальной географии выступает все человечество, а конкретными объектами изучения являются различные территориальные общности людей. В то же время, по мнению А. А. Ткаченко, территориальная общность – пространственная форма жизнедеятельности населения, возникающая вследствие проживания населения на общей территории, как отдельного поселения, так и системы расселения. Территориальную общность людей формирует их как непосредственные, так и опосредованные взаимоотношения: межличностное общение, совместное использование территории, инфраструктуры, совместная трудовая деятельность и общая система управления [35].

В зависимости от масштаба исследования территориальная общность людей может быть гло-

бальной, межстрановой, страновой, региональной, локальной. По мнению М. Д. Шарыгина и В. К. Ковылова, региональная общность людей – это совокупность людей, объединяемая множеством социальных, духовных, экономических, политических и иных связей, характеризующаяся единством отношений к территории проживания. Поэтому региональная общность людей – это социум, население региона, жизнедеятельность которого протекает под влиянием исторических, природных, этнических, производственных и иных условий, а также форм межличностного общения [40]. Несмотря на значительное смысловое наложение понятий территориальная общность людей выступает не только объектом социальной географии, но и географии населения, географии сферы обслуживания, политической географии, географии культуры и других. Следовательно, территориальная общность людей – междисциплинарный объект исследования многих социально-экономико-географических наук, что делает весьма непросто определение объекта исследования социальной географии в отличие от других близких ей географических наук.

Более четко объект социальной географии (в ее узком понимании) можно определить с помощью системно-структурной методологии. По мнению Э. Б. Алаева, система – это сочетание объектов (с их свойствами, отношениями) с упорядоченными взаимными связями, что придает сочетанию новые качества: целостность, автономность, устойчивость [1]. Внедрение этого подхода в географии привело к обоснованию таких понятий, как «территориальная система», «геосистема», «социально-экономическая геосистема». В таком контексте объект социальной географии можно представить как территориальную систему процессов и форм организации жизни людей, а элементами такой системы выступают условия труда, отдыха, развития личности, воспроизводства (демографического, миграционного, социального, культурно-этнического, экистического и других) жизни территориальных общностей людей.

В целом же все разнообразие современных взглядов на сущность отечественной социальной географии можно обозначить тремя подходами. Первый подход, социальная география – это наука, исследующая в территориальном аспекте социальные процессы, соотношения, структуры; это – геосоциология как часть системы географии населения. Второй подход, социальная география – это междисциплинарный комплекс самостоятель-

ных наук (таких как география населения, география сферы обслуживания, география культуры и т.п.) внутри общественной географии. Третий подход, социальная география – самостоятельная наука внутри общественной географии с собственным объектом исследования. Нам представляется вполне возможным, что развитие отечественной социальной географии будет и дальше происходить по всем этим направлениям. Однако, по нашему мнению, более желательнее развитие социальной географии как самостоятельной субдисциплины в рамках отечественной общественной географии. Такое развитие позволит помимо «отраслевых» аспектов сконцентрировать усилия на комплексном понимании и определении процессов и результатов территориальной организации жизни людей. С нашей точки зрения, таким интегральным ее выражением выступают «образ жизни населения» и такие его частные аспекты, как «уровень» и «качество» жизни населения.

Понятие «образ жизни населения» еще не вошло в перечень понятий современной социально-экономической географии [33, 35], хотя уже давно используется в социологии. Как философско-социологическое понятие «образ жизни» охватывает совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, в единстве с условиями жизни. Такое понимание позволяет рассматривать во взаимосвязи основные сферы жизни людей, труд, быт, культуру, политическую жизнь. По мнению этнографа В. И. Толстых, образ жизни – устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в сфере труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга. При такой трактовке «образ жизни» имеет ярко выраженный территориальный характер. Недаром, в 1980 году С. А. Ковалев и Н. Я. Ковальская в своем учебном пособии «География населения СССР» в перечне основных разделов географии населения обозначили географическое изучение культуры, быта и образа жизни территориальных групп населения, хотя и отметили, что это направление находится еще на этапе формирования.

В это же время исследованием образа жизни населения занималась Р. В. Рывкина, обосновавшая его как совокупность конкретных форм жизнедеятельности во всех сферах общественной жизни: труд, потребление, воспроизводство, управление,

общественно-политическая деятельность [29]. По ее мнению, изменения образа жизни выступают важнейшим индикатором социального развития, в процессе которого меняются цели, активность, интересы людей. Автор отмечала тесную связь образа жизни с уровнем жизни, поскольку в основе образа жизни лежат потребности людей, определяющие весь набор их интересов [10]. Большой сложностью исследования и использования оценок образа жизни выступает неформализуемость основных его индикаторов, почти полное отсутствие стандартных статистических показателей, поэтому преобладают социологические методы исследования, что делает крайне сложным, а порой и невозможным определение территориальных различий в образе жизни населения.

Частными аспектами образа жизни населения выступают уровень и качество жизни. Эти понятия еще не вошли в употребляемую терминологию общественной географии, а пока употребительны в философии и социологии. Например, даже в современном словаре-справочнике «Социально-экономическая география: Понятия и термины» приведены понятия «уровень промышленного производства», «уровень промышленного развития», но нет «уровня жизни» [35]. В общесоциологическом смысле «уровень жизни» – это уровень потребления населения, который характеризуется системой показателей: объем реальных доходов на душу населения, уровень и структура потребления продовольственных, непродовольственных товаров и услуг, уровень и динамика цен на основные предметы потребления, величина квартирной платы, плата за транспортные услуги и т.п.. Ведущая российская школа по изучению благосостояния населения сформировалась в ИСЭПН РАН под руководством Н.М. Римашевской, при этом уровень жизни определяется как комплекс условий функционирования человека в сфере потребления, в основе которого лежит развитие потребностей людей и их удовлетворение. Уровень жизни формирует удовлетворение многообразных потребностей или нужд. В ИСЭПН РАН этот комплекс непосредственных человеческих нужд был определен следующим образом: 1) поддержание жизнедеятельности и защита от внешних воздействий (пища, одежда, жилище, предметы обихода, индивидуальная инфраструктура, среда обитания); 2) сохранение и восстановление здоровья; 3) отдых, развлечения, рекреация; 4) семья и продолжение рода, воспитание, обучение, профессиональная подготовка; 5) передвижение в связи с

трудовой деятельностью и удовлетворение других потребностей; 6) потребление культурных благ, информации, обмен и общение с другими членами общества, развитие личности. Как считает Н.В. Зубаревич, такой широкий подход к оценке уровня жизни населения (при всей его важности) создает методологические и методические проблемы при выявлении территориальных различий, что требует сравнения различных территорий между собой [10].

Что же касается понятия «качества жизни», то его нет и в «Большом энциклопедическом словаре», хотя и даются понятия «качество продукции», «качество труда». В общефилософском понятии «качество» выражает существенную определенность объекта, благодаря которой он является именно этим, а не иным. Поэтому «качество» – характеристика объектов, которая обнаруживается в совокупности их свойств. В конкретных исследованиях качество жизни трактуется весьма различно. В работах ИСЭПН РАН качество жизни населения рассматривается как результирующее понятие, то есть при определенных условиях, уровне и образе жизни. При таком подходе качество жизни может быть определено системой индикаторов: 1) здоровье, заболеваемость, инвалидизация населения; 2) уровень образования (среднее число лет обучения) и культуры взрослого населения; 3) трудовая активность и эффективность труда; 4) объем свободного времени для развития человеческих способностей; 5) профессиональная, территориальная, социальная мобильность; 6) устойчивость семейной структуры; 7) уровень рождаемости, брачности, детности [10]. В конкретных географических и социологических работах «качество жизни» ориентирует исследователей на изучение тех явлений, которые не могут быть измерены количественно, но существенно влияют на образ жизни населения. Применительно к последнему это может быть экологическая среда жизни, тот или иной уровень преступности и социальной дифференциации в обществе, социальная защищенность населения и многое другое.

Таким образом, если в методолого-теоретическом аспекте прослеживаются различия в понятиях «образ жизни», «уровень жизни» и «качество жизни», то с точки зрения методики конкретных исследований на уровне конкретных показателей и их группировок наблюдается наложение этих понятий друг на друга. Это связано с несводимостью оценок отдельных показателей к какому-то общему результату. Поэтому в практике региональных социально-географических исследований наи-

большее распространение получило использование комплексных, но частных показателей, вскрывающих отдельные стороны образа, уровня и качества жизни населения, хотя и являющиеся комплексными индексами. К их числу относятся и индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он рассматривается на основе трех показателей: долголетия (продолжительность предстоящей жизни при рождении), достигнутого уровня образования (совокупный уровень грамотности – вес 2/3 и совокупная доля учащихся во всех учебных заведениях – вес 1/3) и уровня жизни (реальный ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США). ИРЧП получил широкое распространение и публикуется в ежегодных Докладах Программы развития ООН [10].

Быстрое формирование отечественной социальной географии обусловило и нарастание числа кандидатских исследований. К числу первых кандидатских диссертаций этого времени относилась работа С. В. Федулова «Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты)» [37], выполненная под руководством А. И. Алексеева, вероятно, впервые представившая московскую университетскую школу социальной географии. В понимании С. В. Федулова, образ жизни, в узком смысле, представляется как устойчивая совокупность типичных видов деятельности, характерных для носителей различного уровня – индивида, группы людей, а, в широком смысле, включающая в свой состав условия жизни и системы ценностей. При этом было выделено 5 аспектов географического изучения образа жизни: 1) изучение территориальной его дифференциации по различным типам поселений и разным регионам; 2) исследование комплекса местных условий в их влиянии на формирование и функционирование образа жизни населения; 3) исследование конкретных условий образа жизни; 4) исследование территориальной варьированности отдельных компонентов образа жизни; 5) изучение образа жизни для целей районирования. Информационной базой диссертации стало полевое социологическое исследование свыше тысячи сельских семей в 37 населенных пунктах восьми районов Московской области. При этом автор отмечал, что анкета социологических исследований была составлена с учетом опыта новосибирских социологов и эстонских географов. По результатам исследования было выделено шесть типов образа жизни: 1) традиционный сельский; 2) традиционный урбанизированный сельский; 3) традиционный рекреаци-

онный сельский; 4) урбано-рекреационный сельский; 5) формирующийся сельскохозяйственный; 6) рекреационный и старческий сельский [37]. Можно констатировать, что такой аспект социально-географических условий органически сформировался в рамках научной школы сельского расселения С. А. Ковалева.

Трансформация российской экономики и российского общества в 90-х годах XX века и в начале XXI века, сопровождающаяся коренными изменениями образа жизни и снижения уровня и качества жизни преобладающей части населения, обусловили «всплеск» исследований в этой области, что привело к формированию социальной географии как самостоятельного научного направления внутри формирующейся общественной географии. Подтверждением этого стало большое число диссертационных работ по исследованию уровня и качества жизни населения, причинах их территориальной дифференциации, мониторингу и прогнозированию таких различий, выполненных в первое десятилетие XXI века. По вполне понятной причине преобладающая часть работ выполнена по отдельным регионам России. Так, в первое пятилетие XXI века появились кандидатские работы по исследованию социально-экономических условий жизнедеятельности Пермского края, по особенностям пространственной дифференциации населения Приволжского федерального округа, по социально-географическому анализу качества жизни населения Самарской области, по территориальной дифференциации качества жизни населения Ставропольского края [5, 9, 11, 27].

Среди кандидатских диссертаций этого периода необходимо особо отметить работу П. Н. Мадюскина «Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России». Автор рассматривал «качество жизни» как объединяющее две формы оценок – объективную и субъективную, провел оценку дифференциации качества жизни на основе регрессивной модели с применением социологической оценки [14]. Интерес к этой диссертационной работе определяется и тем, что научным руководителем выступала Н. В. Зубаревич, защитившая в этот период докторскую диссертацию, на основе которой опубликовала работу «Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода» [10]. Социальное развитие автор понимает как изменение благосостояния, структуры потребностей (расширение человеческого выбора) и форм жизнедеятельности людей в меняющейся социальной

и экономической среде. В качестве приоритетных концепций в изучении социального развития были выбраны развитие человеческого потенциала и качество жизни. В целом работа заложила «районную концепцию» в отечественной социальной географии.

В последующие годы в отечественной науке сохраняется популярность социально-географических исследований различных регионов страны, в том числе и на уровне выполнения диссертационных работ: 1) мониторинг и прогнозирование территориальной дифференциации качества жизни населения: подходы и методы (на примере Республики Татарстан); 2) экономико-географические аспекты формирования уровня жизни населения аграрного региона периферийного типа (по материалам Республики Калмыкия); 3) развитие и территориальная дифференциация качества жизни населения Центрального федерального округа; 4) территориальная дифференциация условий жизни населения Новгородской области; 5) качество жизни населения нефтегазопромыслового региона на крайнем севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа); 6) территориальные особенности качества и образа жизни населения Коми-Пермяцкого округа Пермского края; 7) исследование качества жизни населения с применением ГИС-технологий на примере Республики Мордовия [3, 4, 15, 16, 36, 38, 39].

Понимание социальной географии как одной из общественно-географических наук, изучающей пространственные процессы и формы организации жизни людей (прежде всего в аспекте условий труда, быта, отдыха, развития личности, воспроизводства жизни), итогом которого являются исследования образа, условий и качества жизни населения, требуют более четкого определения основных ее методологических позиций, которые могут найти свое отражение в понятии «научные подходы». По мнению Ю. Н. Гладкого и А. И. Чистобаева, научный подход – это стратегия, методологическая позиция исследования [6]. Для современной социальной географии можно определить целую систему научных подходов: геосистемный, синергетический, геохронологический, воспроизводственный, проблемный.

Геосистемная методология в социальной географии основывается на представлении пространственных процессов и форм организации жизни людей как сложных территориальных социальных системах. Свое интегральное выражение такие системы находят в образе, уровне и качестве жизни населения, а элементами выступают отдельные

особенности организации жизни людей, формирующиеся в результате их трудовой деятельности, экологических условий жизни, условий быта, отдыха, развития личности, воспроизводства населения, связанные с историческими особенностями семейных отношений, культуры, идеологии и социальной структурой общества на конкретных этапах его развития. При такой трактовке внешней средой территориальных социальных систем выступают все процессы, оказывающие влияние на формирование их отдельных элементов. Геосистемная методология позволяет решить проблему «объективности – субъективности» территориальных социальных систем. На уровне их отдельных элементов такие системы объективны, но «подбор» элементов в систему, выбор способов их отражения зависит от целей исследования и содержит существенную долю субъективизма. Именно этим определяется столь разное восприятие и определение таких понятий, как «образ жизни», «уровень жизни» и «качество жизни» населения, встречающиеся в современных исследованиях. Геосистемная парадигма в социальной географии позволяет, с одной стороны, выделять различные типы и иерархические уровни территориальных социальных систем, а с другой, поставить вопрос об их эмерджентности, т.е. наличия в каждой из них какого-то общего свойства, возникающего в процессе совокупного функционирования их отдельных элементов.

Синергетический подход касается исследования взаимодействия отдельных факторов внутри геосистемы «образ жизни – уровень жизни – качество жизни населения» и взаимодействия этой системы с внешними условиями ее формирования и функционирования. В самом общем виде синергетика (от греч. *sunergetikos* – совместный, согласованно действующий) – научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах, благодаря интенсивному обмену веществом и энергией в неравновесных условиях. Синергетическая парадигма позволяет вскрыть как «аккумулятивный», так и «блокирующий» эффекты совместного влияния отдельных условий и факторов, социальных процессов и их тенденций на формирование того или иного образа (уровня, качества) жизни населения. Об синергетическом эффекте, в первую очередь, необходимо помнить при составлении конкретных планов и мероприятий экономического и социального развития регионов, нужна специальная их экспертиза: в какой

степени они могут повлиять на уровень и качество жизни населения.

Геохронологический подход означает неразрывность пространственной и временной (историко-генетической) методологии при изучении форм организации жизни людей. В связи с существенными историко-культурными особенностями жизни людей, различными формами их хозяйственной деятельности, сложившийся в конкретных условиях природной среды, образ (уровень, качество) жизни населения характеризуется территориальностью (от локального на уровне конкретных поселений и локальных общностей людей до регионального, странового и междустранового). Однако, существующие в настоящее время конкретные формы организации жизни людей несут на себе отчетливую «печать» прошлого, специфику исторического развития человеческих общностей, наследием которого выступают национальная, субнациональная и региональная психология, трудовые навыки, основные черты быта и культуры.

В основе воспроизводственного подхода лежит определение главных взаимосвязей элементов и условий, формирующих тот или иной тип образа (уровня, качества) жизни населения, которое позволяет обеспечить его определенную однообразность преемственности, несмотря на все пространственные и временные различия. По большому счету, с помощью воспроизводственной парадигмы вскрывается внутренний механизм формирования, изменения и трансформации форм организации жизни людей.

Проблемный подход направлен на выявление наиболее существенных противоречий, диспропорций, несоответствий, сложившихся в трудовой деятельности людей, экологических условиях жизни, условиях и процессах быта, отдыха, развития личности, семейных отношений и воспроизводства населения, которые на современном этапе стали тормозом в процессе повышения уровня жизни, улучшения качества жизни и позитивного изменения образа жизни людей. Такой подход особенно необходим в процессах реализации социальной политики, если она направлена на искоренение или блокирование негативных тенденций общественного развития.

На основе этих подходов как методологической позиции должна строиться конкретная методика социально-географических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. – Москва : Мысль, 1983. – 350 с.
2. Анохин А. А. Некоторые направления развития социальной географии / А. А. Анохин, А. И. Костяев // Региональный экономико-географический анализ и прогнозирование. – Фрунзе : Кыргызстан, 1980. – С. 48-56.
3. Благовестова Т. Е. Развитие и территориальная дифференциация качества жизни населения Центрального федерального округа : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Т. Е. Благовестова. – Калининград, 2009. – 22 с.
4. Воронина М. В. Исследование качества жизни населения с применением ГИС-технологий на примере Республики Мордовия : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / М. В. Воронина. – Воронеж, 2012. – 22 с.
5. Гаврилова Т. В. Территориальная дифференциация качества жизни населения Ставропольского края : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Т. В. Гаврилова. – Ставрополь, 2005. – 21 с.
6. Гладкий Ю. Н. Основы региональной политики : учебник / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. – Санкт-Петербург : Издательство В. А. Михайлова, 1998. – 659 с.
7. Гохман В. М. Роль идей Н. Н. Баранского в становлении советской общественной географии / В. М. Гохман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1981. – Вып. 578.
8. Долинин А. А. Социальная география - особая ветвь географии населения / А. А. Долинин // Теоретические аспекты экономической географии. – Ленинград : Географическое общество СССР, 1975. – С. 53-61.
9. Жулина М. А. Качество населения регионов Приволжского федерального округа: Особенности пространственной дифференциации : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / М. А. Жулина. – Воронеж, 2003. – 17 с.
10. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода / Н. В. Зубаревич. – Москва : Едиториал УРСС, 2013. – 264 с.
11. Иванова М. Б. Социально-экологические условия жизнедеятельности населения Пермской области : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / М. Б. Иванова. – Пермь, 2000. – 22 с.
12. Ковалев С. А. География населения и социальная география / С. А. Ковалев, А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. – 1983. – № 3. – С. 3-10.
13. Кон И. С. Социология / И. С. Кон // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3 изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1976. – Т. 24. – С. 253-255.
14. Мадюскин П. Н. Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / П. Н. Мадюскин. – Москва, 2005. – 24 с.

15. Малунова Е. Б. Экономико-географические аспекты формирования уровня жизни населения аграрного региона периферийного типа (на материалах Республики Калмыкия) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Е. Б. Малунова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
16. Мальганова И. Г. Мониторинг и прогнозирование территориальной дифференциации качества жизни населения региона: подходы и методы (на примере Республики Татарстан) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / И. Г. Мальганова. – Ростов-на-Дону, 2006. – 28 с.
17. Мукистанов Н. К. Методологические проблемы теоретизации географии / Н. К. Мукистанов. – Алма-Ата : Наука, 1979. – 187 с.
18. Ныммик С. Я. Социально-экономическая география в системе общественно-географических наук / С. Я. Ныммик // Известия АН СССР. Сер. географическая. – 1982. – № 4. – С. 3-11.
19. Покшишевский В. В. Советская география : шесть десятилетий развития и современные проблемы / В. В. Покшишевский // Известия Всесоюзного географического общества. – 1977. – Вып. 5. – С. 28-35.
20. Поросенков Ю. В. К вопросу об объекте и предмете исследования современной российской географии / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского географического общества : сборник научных трудов. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2010. – Т. 11. – С. 3-7.
21. Поросенков Ю. В. Отечественная экономическая география в 40-50-х XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2014. – № 4. – С. 142-148.
22. Поросенков Ю. В. Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30 годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2014. – № 3. – С. 116-126.
23. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1991. – 224 с.
24. Поросенков Ю. В. Советская экономическая география в 60-80-х годах XX в. / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2015. – № 1. – С. 78-90.
25. Поросенков Ю. В. Методологические основы отечественной социально-экономической географии: современные тенденции и перспективы / Ю. В. Поросенков, Т. М. Худякова // Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов : материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону 4-8 мая 2010 г.). – Ростов-на-Дону : Издательство Южного Федерального университета, 2010. – С. 242-245.
26. Поросенков Ю. В. Теоретические основы отечественной региональной общественной (социально-экономической) географии / Ю. В. Поросенков, Т. М. Худякова // XIV съезд Русского географического общества (11-14 декабря 2010 г., Санкт-Петербург) : сборник научных работ. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 53-57.
27. Прокопович А. Б. Социально-географический анализ качества жизни населения (на примере Самарской области) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / А. Б. Прокопович. – Самара, 2004. – 22 с.
28. Райтвийр Т. В. Социальная география с основами планирования социального развития / Т. В. Райтвийр // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. – 1982. – № 4. – С. 64-67.
29. Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения / Р. В. Рывкина. – Новосибирск : Наука, 1979. – 351 с.
30. Савоскул М. С. Социальная география / М. С. Савоскул // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 238-240.
31. Саушкин Ю. Г. Аспекты советской социальной географии / Ю. Г. Саушкин // Вопросы географии. – Москва : Мысль, 1980. – Сб. 115. – С. 17-24.
32. Саушкин Ю. Г. История и методология географической науки : Курс лекций / Ю. Г. Саушкин. – Москва : Издательство Московского университета, 1976. – 422 с.
33. Словарь общегеографических терминов. – Москва : Прогресс, 1976. – Т. II. – 394 с.
34. Современный словарь иностранных слов. – Санкт-Петербург : Дуэт, 1994. – 752 с.
35. Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – 328 с.
36. Степанова А. А. Территориальная дифференциация условий жизни населения Новгородской области : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / А. А. Степанова. – Санкт-Петербург, 2010. – 15 с.
37. Федулов С. В. Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / С. В. Федулов. – Москва : 1998. – 24 с.
38. Холодилова К. А. Качество жизни населения нефтегазопромыслового региона на крайнем севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / К. А. Холодилова. – Санкт-Петербург, 2010. – 17 с.
39. Чеботкова А. Д. Территориальные особенности качества и образа жизни населения Коми-Пермяцкого округа Пермского края : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / А. Д. Чеботкова. – Пермь, 2010. – 20 с.
40. Шарыгин М. Д. Регионоведение : учебное пособие / М. Д. Шарыгин, В. К. Ковылов. – Воронеж : Лексикон, 2004. – 200 с.

Поросенков Юрий Васильевич

доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии и регионоведения факультета географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета, г. Воронеж, т. (473) 255-53-13, 8-919-241-89-78, E-mail: ecgeograf@mail.ru

Сушкова Ольга Юрьевна

кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения факультета географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета, г. Воронеж, т.(473)267-55-59, 8-904-210-60-41, E-mail: ecgeograf@mail.ru

Porosyonkov Yuriy Vasil'yevitch

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the chair of social and economic geography and regional studies, department of geography, geoecology and tourism, Voronezh State University, Voronezh, tel. (473) 255-53-13, 8-919-241-89-78, E-mail: ecgeograf@mail.ru

Sushkova Ol'ga Yur'yevna

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the chair of social and economic geography and regional studies, department of geography, geoecology and tourism, Voronezh State University, Voronezh, tel. (473) 267-55-59, 8-904-210-60-41, E-mail: ecgeograf@mail.ru